

Геннадий Емельянов

(1931 – 2000)

Он родился в селе Курагино Красноярского края, а в Новокузнецке Г.А. Емельянов окончил школу. В 1955 году, завершив обучение на факультете журналистики в Московском государственном университете, вернулся в свой город.

Работал литсотрудником, ответственным секретарём и замредактора газеты «Колхозник Кузбасса» (сейчас – «Сельские вести»), собственным корреспондентом «Комсомольца Кузбасса», газеты «Кузбасс».

В 1959 году был направлен на строительство Западно-Сибирского металлургического комбината редактором многотиражной газеты «Металлургстрой». Стройке Запсиба, Кузнецкому металлургическому комбинату, их проблемам писатель посвятил многие свои произведения. Работа на Запсибе, непосредственное участие в творческой жизни стройки, близкое знакомство с людьми разных поколений и биографий дали писателю богатейший материал для его будущих книг. В 1961 году в Кемеровском книжном издательстве вышел первый сборник рассказов «Когда друзья рядом...» (в соавторстве с Гаррием Немченко).

В 1968 году Геннадий Арсентьевич Емельянов был принят в Союз писателей СССР и, по сути, стал основателем писательской организации Новокузнецка, долгое время, однако, оставаясь единственным профессиональным писателем города.

Автор множества романов, повестей, в том числе и фантастических, очерков о людях Новокузнецка, среди них такие особенно полюбившиеся читателям произведения, как роман «Берег правый», повести «Далёкие города», «В огороде баня», «Арабская стенка» и др.

«Прихожу к неутешительному выводу, что писателя такого уровня, такого таланта в Новокузнецке больше нет. И наш долг собрать все лучшее, написанное им, сохранить светлую память о нём – Геннадию Арсентьевиче Емельянове».

Игорь АГАФОНОВ (11 мая 2010 г.)

Предлагаем читателям вспомнить сегодня фрагменты одного из бессмертных произведений кузбасского классика, опубликованных в книге «Горячий стаж», которая была издана более 30 лет назад в Москве.

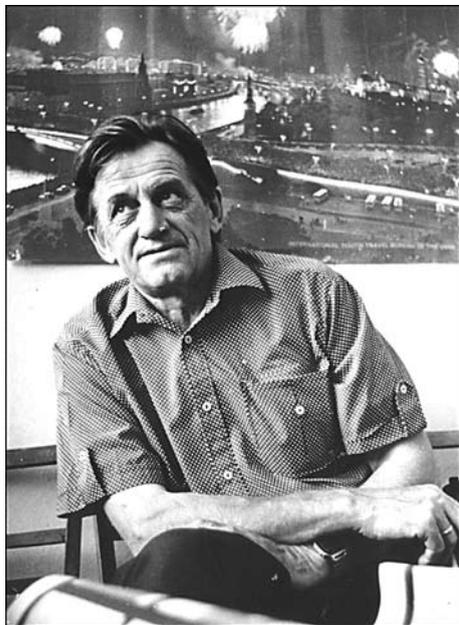
НАЧАЛО НАЧАЛ

Когда я начинал свой путь в журналистике, докладчики, помню, для пущей наглядности прибегали к показателям 1913 года – тогда промышленность и сельское хозяйство царской России дали максимальные результаты. Позже стали сравнивать день текущий с данными статистики, опубликованными в канун Великой Отечественной войны. Теперь, кажется, и сравнивать не с чем – так далеко мы ушли. Слишком уж разительна, неправдоподобно велика разница между тем, что было несколько десятилетий назад, и тем, что имеем сегодня.

Сравнения такие в наше время принимают уже несколько иронический оттенок. Академик-металлург Иван Павлович Бардин мечтал иметь в стране 40 современных домен, и ему казалось, что мечта эта фантастична. При 40 домнах, считал академик, Россия будет передовой и несокрушимой... Что же касается угля, залегающего в недрах Кузнецкого бассейна, то на него поначалу серьёзных видов не имелось, поскольку этот уголь был ДАЛЕКО...

1.

В 1897 году имущество старейших Бачатских кабинетных (принадлежащих царской фамилии) копей было оценено в 445 рублей и 96 копеек. Что же нажили, так сказать, копи? Дом с баней они нажили. В том доме размещались ещё кузница и конный двор. В опись

ОЧЕРК - ЭССЕ

были включены 3 ручных ворота, 7 бадей, 20 кайл, 4 лопаты, 12 молотов, 6 клиньев (наверно, железных) и 4 носилки. С такой техникой рекордной выработки не дашь, да и кто тогда работал в охотку – каторга, она и есть каторга.

В 1913 году, если вас интересует, Северный и Анжеро-Судженский угольные районы (*считай, весь Кузбасс*) дали на-гора 774 тысячи пудов топлива, что составило 0,5 процента общероссийской добычи.

Об истории разведки углей, о развитии угледобывающей промышленности в Кузбассе сказать хотя бы кратко надобно особо. История эта интересна.

Я читал архивные материалы, читал книги о развитии горнорудного дела в Сибири, и сперва подспудно, потом уже отчётливей и ясней проступала во мне уверенность в том, что мы сильно преувеличиваем, когда говорим о Сибири прошлого как о крае глухом и неизвестном, о крае богатом, но пустынном. Нет, были торёные тропы, пробитые лаптями и копытами коней, были пшеничные поля, издревле плавилось и ковалось железо.

Специалисты определяют возраст металлургии в нашем бассейне в две тысячи лет.

19 октября 1982 года Кемеровское телевидение показало репортаж, который наваял в общем-то безотрадные мысли. Речь шла о Томском железодельном заводе. Основан он неподалеку от нынешнего Новокузнецка 200 лет назад. Мало кто знал, как выяснилось, дорогу к селу Томскому, заброшенному теперь и обветшалому. Ещё меньше людей знают, что когда-то здесь были зажжены домницы мощного по тем временам предприятия, и что в селе проживало больше трёх тысяч человек. Всё утеряно. Что могли сказать репортёрам местные жители? Да почти ничего. Всё, что оставалось ещё от заводского корпуса, – чугунные плиты перекрытий и кованые оконные проёмы, колонны и другие детали – было увезено на переплавку в Новокузнецк. Шла война, но даже лихолетье, на мой взгляд, не могло оправдать такого шага. Для Кузнецкого металлургического комбината весь этот приклад был каплей: мы бы опрокинули врага и без томского железа. Отрадно сознавать, конечно, что в зубодробительном стальном кулаке, занесённом над головой лютого врага, оказались и потные пуды, добытые прашурами...

Ныне село Томское возрождается, там строят подсобное хозяйство. Возрождается, но в новом качестве. Вырастут в селе Томском свинофермы, распашется, наверно, целина, встанет новый посёлок... Но музея не будет, и не нагрянут сюда экскурсии, чтобы посмотреть, как делалось железо, как добывалась руда для первого сибирского завода, какие нужные инструменты для хозяйственного обихода выходили из-под молота старинных мастеров, куда и какими путями сбывалась продукция и сколько она стоила...

Нам ведь всё интересно, всё важно!

Село Томское возрождается, да совсем не в том качестве, в каком хотелось бы его видеть. Одно другому, правда, не мешает, но вряд ли кто – по обязанности или по доброй воле – задается целью создать завод заново. Не по плечу это нам... Не по плечу!

2.

Шахтное строительство в Кузбассе имеет уникальные традиции, если учитывать одно весьма важное обстоятельство: угольная промышленность создавалась у нас скороспешно. После Великого Октября пройдены под землей тысячи километров, созданы многие десятки современных шахт, создан мощнейший угледобывающий район. В мировой практике подобного взлёта производительных сил, пожалуй, и не было. Но кто заложил первую шахту в наших краях, кто положил начало многотрудному проходческому ремеслу в бассейне?

...Летом 1697 года обыватель города Томска, стар и млад, чиновник и ремесленник, крестьянин и охотник, наблюдал событие недюжинное: из пределов острожных стен в долгий поход уходил отряд числа немалого – целых 800 душ. Уходил отряд на речку Каштак, чтобы в диких землях рыть серебряную руду, чтобы построить впоследствии завод по выплавке нужного казне металла, потому как царь Пётр Великий обременён был безденежьем. Государев размах, орлиные его планы требовали невиданных затрат: Россия рублила окно в Европу, медведь вылезал из берлоги и хотел явить себя миру полным силы.

Томский воевода Василий Ржевский писал государю: «*В Томском тое серебряной и медной руды переплавлять некем, мастеров нет*».

Царя это препятствие не остановило: в Сибирь его волей был занаряжен опытный рудознавец и плавильный мастер, грек Александр Левандиан «со товарищи» – Семёном Григорьевым, Спиридоном и Фёдором Манойловыми, Андреем Николаевым, Михаилом и Григорием Шутовыми...

...Суеты хватало. Отряд грузил добро – инструмент, лошадиную справу, одежду, муку и прочее – на речные суда, на баркасы. Когда же всё было готово и увязано, отслужили молебен и с Богом на устах пустились в неведомое.

Нам, в пределах возможного, остаётся лишь вообразить, как всё это происходило. Не дано нам с большого расстояния видеть подробности. Документы же, дошедшие до нас по крохам, говорят о том, что отправлялся в тот поход люд разномастный. Собрать, оснастить ладом на долгий срок мастеровых и воинство

в большом количестве – работа не из лёгких. Но извернулся томский воевода: нагрузилась скарбом и поплыла армада. В тот поход ушли работные люди, служилые казаки, подгородные татары, белые калмыки.

Бабы, дети да старики махали с берега тяжёлым лодкам, исчезающим помалу за излучкой Томи.

Отряд, как уже говорилось, держал путь на Каштак (*это неподалеку от нынешнего районного центра Тисуля*), чтобы поставить на месте сперва острог, казармы, избы, а уж потом и завод для выплавки серебра.

Историк Михаил Сорокин в статье «Экспедиция на Каштак» пишет:

«Однако довести до конца это «доброе и пребогатое дело» не удалось. Воинственные киргизские племена, кочевавшие в верховьях Енисея, то и дело появлялись на реке Кии и её притоках. Вскоре после начала работ на Каштаке лагерь экспедиции был окружен их отрядом».

Левандиан доносил в Томск:

«Наше сие художество со страхом и войною не может совершаться. Нам надобно копати в горах, а неприятели нас убивают».

Рудные жилы расходились далеко окрест, а из острога показываться было опасно.

Мытарствам был положен конец в 1700 году: Каштак закрыли, поселение опустело. Так бесславно, в сущности, закончилась первая попытка создать в Кузбассе горно-металлургическое производство и пополнить государеву казну серебром.

Каштакский острог, вероятно, существовал самостоятельно некоторое время, поскольку настойчиво и неумолимо государственные границы смещались всё дальше и дальше на восток, и этот опорный пункт вскорости потерял своё значение, был разрушен непогодой, зарос травой. Не удалась попытка петровского рудознатца достать серебро из обильных закромов тайги... А если бы она удалась? Может, всё и обернулось бы по-иному? Может быть...

Что же осталось нам, потомкам, на память о той самой первой попытке добыть для насущных нужд России сибирские богатства? Где же, в каких скрижалях нашего краеведения записаны имена тех, кто закладывал штольни и ворочал с усердием лопатами тяжёлую нашу землю, чтобы в итоге сделать захолустный край предметом пристального внимания правительства и делового человека, купца и первопроходца, имеющего капитал?

И вот снова цитирую, на этот раз корреспондента областной газеты «Кузбасс» В. Карманова (*газета от 10 июля 1981 года*):

«К сожалению, памятник этот незаслуженно забыт. Даже в Тисуле, от которого он (*име-*

ется в виду Каштакский острог) находился всего в шести–восемь километрах, мало кто знает о его существовании. Всё меньше остаётся людей, кто видел штольню, сооружённую почти три столетия назад. Какие-то любители острых ощущений взорвали её... Штольня находилась в десяти метрах от берега Каштака. Нынче речка эта обмелела, по существу превратилась в ручей. А тогда шли по ней рудознатцы на лодках... Хотелось угадать, где стоял рудоплавильный завод, острог. Но сделать это очень сложно».

Сделать сложно... Невозможно, пожалуй.

Остаётся с тихой печалью в сердце покачать головой да посетовать, что и в наш, как говорится, просвещённый век злое равнодушие сожительствоует с самой тонкой добродетелью.

Сколько стихов мои друзья-поэты написали про то, как хладнокровный браконьер, носитель тёмного начала, бьёт из ружья лося, лебедя, медведя, как умножаются страницы Красной книги, куда трепетной рукой заносят убытки планеты Земля. Всё это возвышенно и правильно. Однако нет почему-то стихов и горячих статей о браконьерах иного рода – о тех, кто стреляет в нашу душу. Давно ведь сказано: история – душа народа. Сказано ещё, что без прошлого нет настоящего. Впрочем, эта тема особая и обширная, а упрямые факты должны склонять нас не столько к проникновенным словам, сколько к действию.

3.

Я не ставлю своей задачей последовательно и с тщательностью выписывать события, связанные с открытием и освоением богатств, залегающих в недрах Кузбасса. Об этом, кстати, в разное время и в разных изданиях печаталось немало интересного. Не удержусь, однако, упомянуть здесь о нескольких важных моментах.

В 1609 году томские казаки докладывали царю:

«Объясачивать осенью и зимой кузнецких людей не можно, что живут, государь, в крепостех великих, и болота обошли, и зыби великие, и ржавицы, а зимой живут снега великие, и воевать, государь, их, кроме лета, в жары, не можно». (*Рехлов В. Повесть о Михаиле Волкове. – Кемерово, 1972. с. 137.*)

Не доставали руки томских казаков до тяжёлых аборигенов, умевших прятаться в болотах и снегах, поэтому возникла настоятельная необходимость всё-таки дотянуться до мехов, до железа, до золота и иных прочих богатств.

Не стану утомлять читателя подробностями, скажу только, что государственная необходимость заставила поставить крепость на кузнецких землях, и в 1618 году на месте

инородческого укрепления Аба-Тура возник острог, ставший всего через четыре года закраинным городом России, но городом важным, поскольку отсюда лежал путь дальше – в бескрайнюю и необетованную страну.

Покойный ныне писатель Виталий Рехлов в той же повести о рудознатце Волкове (*ему историческая наука приписывает открытие «горючего камня», то есть каменного угля, на нашей земле*) утверждает, что Михайло Волков встретился на кузнецкой пристани, в том, вероятно, месте, где теперь трамвайная остановка «Топольники», с учёным-немцем Даниилом Мессершмидтом. Последний по договоренности с русским правительством в 1719–1726 годах совершал путешествие по Сибири. Мессершмидта сопровождал швед, пленник, сосланный на поселение, капитан Филипп фон Страленберг. По возвращении на родину капитан издал книгу под названием «Северная и Восточная часть Европы и Азии». Страленберг мимоходом упоминал, что между городами Томском и Кузнецком «у абинских татар находится такое место, где по временам выделяется дым и пламя из горы».

Коллекция минералов, собранная учёным немцем, сыграла потом определённую роль в стратегии освоения просторов «по ту сторону Каменного пояса», сиречь Уральского хребта. Но то были лишь слабые прикидки, лишь сказка – сказка была впереди.

Документы, до которых докопался Виталий Рехлов, свидетельствуют, кстати, о том, что в Тобольске Мессершмидт за 12 рублей в личное, так сказать, пользование приобрёл мальчика. В купчей оговаривались условия содержания живой души. Хозяин обязывался раба своего «поить и кормить, одевать и от всякого дурна унимать и наказывать по вине смотря». Позже, когда надобность в услугах «говорящей скотины» отпала, немец с выгодой сбыл мальчишку в Иркутске... Что же особенного: ведь Робинзон Крузо тоже загнал на базаре своего Пятницу, когда благополучно достиг берегов просвещённой Европы. Такие дела...

Небольшой отряд немца проследовал от города Томска через Кузнецк, поднялся по Томи до устья её левого притока Балык-су, перевалив Кузнецкий Алатау, попал в Минусинскую долину...

Дневники Д.Г. Мессершмидта, по неизвестным причинам, остались неопубликованными. Позже коллекцией этой, в сущности, первой научной экспедиции занимался сам Михайло Ломоносов.

В каталоге коллекции минералов под редакцией М.В. Ломоносова (1745 г.) встречаются такие строки:

«Серая земля, наподобие каменного угля, или, лучше сказать, смуроватая глина, найдена

при устье реки Абашевы, которая впадала в реку Томь». И дальше: «Земля с белыми и красными пестрыками... каменное уголье светящееся, слоевое».

(*Яворский В.И. «Земля Кузнецкая от древних эпох до наших дней».— М., 1973. с. 37.*)

Вот вам и первое официальное упоминание об углях, залегающих близ города Новокузнецка.

Не берусь считать, которым по порядку будет упоминание об углях, залегающих в районе Байдаевки и Абашева, но рассказать об одном примечательном эпизоде считаю все-таки нужным.

В начале этого очерка я говорил о Томском железодельном заводе. Так вот. Воздуховые печи в те времена топили, как известно из школьных учебников, древесным углём. В 1789 году управляющий завода, некто Пастухов, поставил перед собой цель переменить горючий материал, поскольку под его руководством была построена печь новейшей конструкции. Она была способна быстрее разогревать мелкое чугунное литьё и в идеале требовала более калорийного топлива.

Ещё перед тем, как приступить к строительству, предусмотрительный инженер достал или привёз с собой (*скорее всего, привёз из Петербурга*) куски английского каменного угля и не однажды показывал те куски рабочим: не встречал ли кто случаем окрест чего подобного? Вопрос не оказался зряшным и не повис в воздухе. Однажды среди рабочих, внимавших управляющему, оказался плотничный ученик Я. Ребров. Он, то есть плотничный ученик, «вызвался в знании» и принёс для показа хранившийся у него кусок угля, который при сличении с английским оказался схожим.

Дальше я цитирую документ из архивов томской заводской конторы, дошедший до нас под общим заглавием «Дела, не требующие дальнейшего производства». Итак, цитирую:

«Уголь этот был найден Ребровым случайно в 1787 году зимой во время его бытия около деревни Атамановой за покупкой хлеба, едуци в обратный путь рекою Томью по течению оной на правой стороне в каменном устье, из коего хотя наперед сего и не слышал о каменном угле, но совершенно его не знал, но из любопытства набрал около пуда и привёз с собой на завод. А как Ребров не чаял, чтоб к чему сей уголь был употреблён, то не объявил никому об этом, держал в доме своём. А как Ребров взял по близости деревни Атамановой, почему и назвал атамановским каменным углём... Впоследствии времени оказалось, что выше писанный каменный уголь месторождение имеет не в одном месте, откуда Ребровым взят был, но в трёх местах»...

Отметим, что по современной номенклатуре этот пласт угля за номером 25 Байдаевского месторождения на восточном крыле мульды в 16 километрах выше Старокузнецка.

Пусть угольщики и шахтостроители, да и все, кто живёт теперь в Байдаевке и Абашеве, в Орджоникидзевском районе Новокузнецка, знают фамилию первооткрывателя богатых залежей чёрного золота – Реброва. А вот как его звали и величали, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Звали, может быть, Яковом. Может быть...

Кое-кто скажет: не всё ли равно, кто первый? Очень даже не всё равно. Ведь если судить по фактам, то проделать путь от томского завода до Кузнецка (60 вёрст), да от Кузнецка, пожалуй, вёрст 25, не представляло в те времена особой сложности, то была, судя опять же по фактам, вполне рядовая хозяйственная поездка. Дело было зимой, учтите. За день и на справной лошадке туда-сюда не обернуться. Значит, ученик плотника, один или в компании будучи, где-то по дороге вставал на постой, грелся чаем, харчился, ночевал, вёл неторопливые мужицкие разговоры о житье-бытье, спал под крышей, запрягал, распрягал, торопясь завершить не очень, наверно, приятную, но и необходимую поездку за хлебом...

Почему именно в сторону Кузнецкой крепости держал путь рабочий казённого завода? Объяснение простое: в этих местах осели казаки, приплывшие из губернского города Томска для охраны и освоения здешних земель. Кроме того, большими наделами владели вездесущие монастыри, которые сдавали в аренду пашню и уголья так называемым захребетникам, то есть прилюдным мужикам без роду и племени.

В документах тех лет звучат жалобы кузнецких чиновников на то, что вольного хлебопашца закрепить весьма трудно, поскольку помимо прочего нет женщин, а коренной житель, крепкий хозяин, ремесленник, мещанин, а тем более торгаш, своих красных дочерей за добра молодца со смутным прошлым отдавать не хочет. Из государственной канцелярии следовали предписания: пусть отдают своих дочерей замуж, пусть закрепляются прилюдные в Сибири, да плодятся, да множат дворы – казна же с живой души копейку займёт для укрепления державы.

Вывод, значит, напрашивается сам собой: Сибирь обустроивалась помаленьку, юг нашего бассейна имеет прошлое, свою историю, свой уклад. Жаль только, что перо летописца не коснулось до сих пор той интереснейшей поры. Надо бы нам знать – очень надо бы! – для связи, так сказать, времён, чем особо озабочены были наши предки, какие сказки сказывали, какие песни пели, как работали, как любили, о чём думали. Окунуться в прошлое

нам лишние для того, чтобы проникнуться сочувствием к тем, кто был до нас, дышал нашим воздухом и оставил на земле свой скромный след, кто стоял у начала дороги, по которой мы идём теперь.

Капризное время сохранило имя плотника Я.Реброва – первооткрывателя абашевского угля. Я опять возвращаюсь к мысли о том, важно ли знать, кто первым увидел, кто первый заметил. Мимо того места, где выступал пласт, проезжали, проплывали, проходили, наконец, сотни, а то и тысячи людей, а вот один взял да и полюбопытствовал.

Недаром говорят: до Ньютона многие видели, как падает с дерева яблоко, а ему одному дано было мимолетное наблюдение возвести в закон...

4.

В 1826 году был возведён с большими тугами Гурьевский завод, предназначенный сперва для выплавки серебра. Четыре года спустя, однако, здесь сложили и доменную печь, поскольку Томский железодельный завод, о котором не раз упоминалось, не справлялся с рынком: спрос уже опережал возможности. Чуть позже к доменной печи прибавилась механическая мастерская, производящая товары широкого обихода для крестьянина и обывателя.

В записках академика Ивана Павловича Бардина я встретил утверждение, будто на Гурьевском заводе чуть ли не впервые в мировой практике (*раньше англичан и голландцев – !!*) начали топить домну каменным углем. Не берусь судить, так ли это. Однако сама мысль заменить топливо вызвана была не божьим озарением, не инженерной дерзостью в чистом виде, а, как и в большинстве случаев, сермяжной нуждой.

На Урале к тому времени, когда сибирская металлургия брала разбег, леса окрест промышленных районов извелись начисто – от сосновых боров и берёзовых рощ оставались лишь пеньки, заросшие крапивой да кустарником. Из Петербурга в Сибирь шли суровые наказы – кабинетные леса не изводить. Императорская фамилия за своё болела. Железо, оно, конечно, нужно, но моё – не трогай...

Серьёзные попытки использовать уголь и кокс вместо дров были предприняты в 1817–1830 годах начальником алтайских заводов П.К. Фроловым. После того как начальник ушёл в отставку, дело замерло и возобновилось не скоро.

Исследовательской партией под руководством некоего Фрезе (*имя и отчество неизвестны*) было обнаружено месторождение каменного угля в шести километрах от села

Бочаты. Там был пройден вертикальный ствол на глубину 21,6 метра и встречено четыре пласта, довольно мощных. Так было положено начало Бочатским каменноугольным копям.

Это было в 1851 году. Дату, пожалуй, и надо считать началом шахтного строительства в нашем регионе.

Минуло с той поры, выходит, не так уж и много, если иметь в виду древние копи Южной Америки или, к примеру, Африки, насчитывающие тысячелетия. Но мы люди не гордые. Сибирь ведь страна молодая.

Вслед за Бочатскими начали разрабатываться Кольчугинские копи (1877–1883 годы). Теперь это шахты Ленинск-Кузнецкого куста.

Кто же, собственно, назвал наш бассейн Кузнецким?

Этот человек – П.А. Чихачёв. Учёный многоплановый – географ, этнограф, геолог, историк. Вот сколько у него ипостасей!

Начал своё путешествие П.А. Чихачёв по Алтаю в 1842 году, пересек Салаир на меридиане томского завода и кузнецкие земли в восточной части. По пути в город Кузнецк учёный в своих дневниках и специальных записях отмечает выходы угольных пластов. Позже, по возвращении из сибирского вояжа, была составлена геологическая карта. В ней впервые околонтурена площадь залегания угольной формации и предложено название – Кузнецкий угольный бассейн, Кузбасс.

П.А. Чихачёв сделал вывод о том, что Кузбасс есть один из крупнейших в мире резервуаров ценнейшего топлива, и без колебаний предрекал ему великое будущее. П.А. Чихачёв «нас заметил и, в гроб сходя, благословил»... Что ж, великое ему за это спасибо!

«Общее впечатление моё от сих прекрасных мест – прекрасное, ежели бы эти самые прекрасные места не были столь молчаливы! Растительность удивительная! Таких цветов в жизни своей не видел. И каждую неделю – новые!.. Народ самостоятельный, развитой и даже культурный, хотя школ почти нет. В будущем этот край может сильно развиться. И подумаешь, как над этой огромной многообразной страной издевается кучка срамников. Черт знает что такое!».

Так писал из Кузбасса выдающийся геолог Леонид Иванович Лутугин, приглашённый Копикузом накануне первой мировой войны с тем, чтобы исследовать подробно земли Российской закраины на предмет эксплуатации её природных богатств.

Леонид Иванович Лутугин был личностью поистине легендарной. Это был, вне всякого сомнения, геолог номер один – не даром же к нему шли за консультацией промышленники и

студенты, учёные и денежные воротилы, заинтересованные в судьбе капитала, вложенного в горнорудное дело. Для этого профессора, кажется, секретов не существовало: он с завидной лёгкостью находил «пропавшие» пласты, открывал месторождения. Это он составил подробнейшую карту Донецкого угольного бассейна, посвятив этой работе десять лет. То был, словом, блестящий специалист, бесребренник, открытая душа, неустрашимый борец за справедливость.

Когда его упрекали в том, что он совсем не думает о себе, что он нестроен и даже беден, Леонид Иванович так отвечал сердобольным друзьям: «Я живу как на блюдечке. Жить мне осталось немного. Нахапать много не успею, а некролог себе испорчу».

Он не испортил себе некролог.

Умер Леонид Иванович Лутугин в ночь на 16 августа 1915 года в Кольчугине на посту геолога-полевика. Газеты России писали: «Где-то в Сибири или Алтае умер выдающийся геолог Лутугин». Тело ученого привезли в Петербург, для организации похорон был создан комитет, куда вошли писатели А.М. Горький и В.Г. Короленко. В голове печальной процессии студенты несли венок с надписью: «От революции 1905 года»...

Я не уверен, есть ли теперь в Кольчугине хоть вешка, хоть строчка, посвящённые памяти знаменитого геолога, отдавшего все последние силы нашему краю.

Правда, имя Лутугина, кажется, до сих пор носит угольное залегание, простирающееся от Ленинск-Кузнецкого до Кемерова.

5.

Я уже упомянул здесь, что группу геологов для обследования обширных территорий Кузбасса пригласил на льготных условиях Копикуз. Накануне первой мировой войны Азовско-Донской банк откомандировал в Сибирь члена своего правления некоего Л.М. Рабиновича (*кстати, заметного специалиста по углю*) разведать, нельзя ли двинуть капиталы на восток, есть ли смысл хлопотать о приоритете в разработке полезных ископаемых вообще и угольных в частности. Тем более что зачин был уже сделан. Транссибирская железнодорожная магистраль приблизила окраины к центрам.

Это первое. И второе. Ещё в 1897 году промышленник Михельсон организовал Судженские копи, следом появились шахты от казны в Анжерке, они и снабжали углем магистраль, которая, как сказал Владимир Ильич Ленин, открыла дорогу капиталу для продвижения его на периферию.

Л.М. Рабинович доложил правлению банка о том, что овчинка безусловно стоит выделки,

и что надобно ковать железо, пока оно горячо, иначе разворотливые конкуренты вырвут жирный кусок изо рта, что промедление теперь смерти подобно. Было решено на этой тайной вечере, что русский кошелек для такой ноши жидковат и надобно идти на поклон, хочешь не хочешь, к тем, у кого сума потолще – к галантным братьям-разбойникам из Европы.

Я пишу об этом с определённой долей иронии. Зачин-то он сам по себе вроде и благороден – освоить залежные богатства, но ведь золото жестоко, оно с самого начала предполагает трагедию: бизнес не несёт душевного естества, он неумолимо рационален, он жаждет пота, мук и крови.

В 1912 году в Кузбассе побывали французские инженеры месье Громье и месье Барильон. Эта миссия, надо думать, была предпринята в целях опять же разведки перспектив и возможностей развития крупных промышленных узлов в Сибири, а также с целью перепроверки прогнозов русских специалистов.

Французы вернулись из далёких странствий в хорошем настроении, потому как сразу к хлопотам был подключен ловкий царедворец В.Ф. Трепов, тайный советник, брат петербургского градоначальника Д.Ф. Третьякова, печально знаменитого тем, что в 1905 году он отдал приказ стрелять в рабочие демонстрации. Тайный советник (*за наличные, конечно!*) где лестью, а где и подлостью добился своего – заключил с кабинетом, то есть, по существу, с царской фамилией, договор. Акционеры получили в концессию, например, уголь за полкопейки с пуда, кроме того, заимели право «абсисона», иначе право выбора в течение трёх-четырёх лет промышленных площадок, которые они хотели бы закрепить за собой. Царский дом отдавал Кузбасс в руки алчным богатым на целых 60 лет.

В разворотливости учредителям Копикуза не откажешь. Но они были всё-таки плохими политиками – лишь слепой и глухой не мог не заметить тогда, что война между Россией и Германией надвигается неотвратно, что вот-вот все связи поломаются напрочь. Говорят, капитал вездесущ, он не знает ни врагов, ни друзей, ни границ, ни расстояний. Так-то оно так, однако Сибирь всё-таки далеко, и самая длинная рука туда не дотянется, если нет действенной поддержки властей.

Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей объявило широкую программу. Оно намеревалось, в частности, связать Кузбасс железнодорожной веткой с Транссибирской магистралью, организовать разведку полезных ископаемых, открыть рудники, наладить коксохимическое производство, построить крупный металлургический завод.

Нет нужды отрицать, что дельцам Копикуза кое-что всё-таки удалось свершить. За два года, с 1914-го по 1916-й, была проложена железнодорожная ветка от Юрги до Кольчугинского рудника с выходом на Кемерово, где были заложены шахты по европейскому образцу, здесь же были построены опытные коксовые батареи, небольшие по размерам и мощности. Дело вроде бы взяло разбег, но не хватило денег. Английские и американские финансисты в пай войти отказались – потому что Сибирь, она сторона далёкая, и зачем, по здравому размышлению, взращивать и лелеять грозного конкурента на другом конце света? Мотив резонный.

Акционеры рассчитывали также получить беспроцентную ссуду на 20 миллионов рублей из казны, но Государственная дума законопроект о выдаче такой ссуды провалила. Мне лично неизвестно, чем руководствовались, сказав решительное «нет», царские сановники, но они выносили приговор с далеко идущими последствиями, если иметь в виду, что война надвигалась – и кокс, но особо металл, производимый в новых районах, не помешали бы, а, напротив, помогли бы успешнее противостоять довольно развитой индустрии Германии.

Но уже тогда буквально витала в воздухе идея об эксплуатации кузбасских угольных месторождений для нужд уральских заводов. Совет съездов торговли и промышленности в 1913 году, да и позже, обращался с ходатайством к правительству о прокладке железной дороги по трассе Кузнецк–Барнаул–Павлодар–Орск, чтобы, повторяю, питать промышленные районы сибирским топливом. Определённые надежды возлагались на водный путь Томь – Обь. Но и эти проекты остались на бумаге.

Когда стало абсолютно ясно, что любое стоящее начинание царский двор и присные последовательно проваливают по причине своей соловой тупости, наиболее предприимчивые горнозаводчики Урала сами начали арендовать земли Кузбасса, чтобы создать для себя топливную базу.

Так, Южно-Уральское горнопромышленное товарищество имело свой участок возле Анжерского копей. Богословское горнозаводское общество в 1914 году заложило близ Кемеровского рудника три шахты и освоило выжиг кокса. Тем же путём пошли (*на Бога надейся, да сам не плошай!*) хозяева Верхнеисетских металлургических заводов. Но всё это было, конечно же, каплей в море!

Не все знают, что Временное буржуазное правительство, ставшее у власти после Февральской революции – эти крикуны и прожектеры, не устающие красноречиво говорить о благе Родины, о великом будущем России, пригла-

сли американских специалистов в целях инженерной проверки перспектив развития комплекса Урал – Кузбасс. Заокеанские эксперты пришли к заключению, что стародавняя идея перспектив, увы, не имеет. Вывод, конечно, иначе как идиотским не назовёшь при всём уважении к американской хватке и здравому смыслу.

Не могу понять, почему Временное правительство било челом к специалистам с другого полушария, когда на столы министерств могли лечь отчёты того же П.А. Чихачева или Л.И. Лутугина. Поистине, нет пророка в своем отечестве!

Так или иначе, но большим планам опять не суждено было взять разбег.

Американцы, понятно, чужаки, они уже тогда обучились разговаривать с миром через губу, но где же тот доморощенный враг таинственный, который сознательно зарубил *(в который уже раз!)* плодотворные идеи на корню? Можно, конечно, разобраться в хитро-сплетении интриг, назвать фамилии предателей и ретроградов, но кому они теперь нужны, эти фамилии, разве что историкам – для пушек, так сказать, важности. Ну, да Бог с ними, с интриганами и предателями. У нас другие задачи.

Последний раз Копикуз расправил плечи в 1915 году, когда получил заказ от главного артиллерийского управления русской армии с авансом 2 миллиона рублей, выданных из кассы для того, чтобы в срочном порядке организовать поставки бензола и толуола для нужд фронтов. Как только началось кредитование, в Кемерове была заложена крупная и современная по тем понятиям шахта «Центральная» с производительностью 333 тысячи пудов угля в год. Были построены и коксовые батареи. Но вскоре иссохился дым в трубах и терриконы стали зарастать травой-муравой: началась революция.

И я в своем повествовании поставлю пока точку.

6.

В те печальные дни, когда страна хоронила Ленина, анжеро-судженские шахтёры изладили из больших кусков угля траурный венок на могилу вождя.

Делали этот венок всем миром и с великим тщанием, потому и медленно. За главного мастерового был коммунист Фёдор Егорович Полонянкин. Он смастерил когда-то действующий макет для Омской промышленной выставки – у этого человека были поистине золотые руки, поэтому ему и была поручена такая тонкая и ответственная работа. Листья – из угля, тонкие и трепетные ветки – тоже из угля. Буквы для венка делал другой умелец – Фёдор Иванович Цыпляев. Буквы выплавили из кокса, для чего

была даже даже приглашена одна коксовая печь из двенадцати. Буквы окантовали латунью. Надпись гласила: «Анжеросудженцы – Ильичу». И выше ещё слова: «Заветы Ильича не забудут горняки».

Подробности этой трогательной истории очень интересны, они полны тепла и какой-то детской непосредственности, но за неимением места и времени мы их упустим. Когда венок изготовили, встал вопрос, кому его везти, этот знак любви и горя, в столицу. Мастер сомнения не вызывал – по делу и честь. А кто ещё? Решено было включить в состав делегации самого старого шахтёра. Из четырёх кандидатов в итоге остался один – Богачин *(имени и отчества его, к сожалению, не знаю)*, у которого, как выяснилось, был самый солидный рабочий стаж – 24 года и 8 месяцев. Он и поехал, он и сказал речь с трибуны XIII съезда партии.

Вот что, в частности, сказал тогда старый рабочий:

«Товарищи, позвольте мне объяснить наше положение, как оно было, когда сообщили нам, что наш дорогой товарищ Ильич окончил жизнь свою. Все горняки наши тужили, заматались, даже старики, которые молятся, плакали. Теперь, товарищи, мы привезли его *(имеется в виду венки)* товарищу Ленину за его идеи, за его дорогу, которую он нам показал, за его фундамент, который он нам положил, – фундамент крепкий, прочный. Мы, товарищи, пойдём вместе с вами, беспартийцы, будем его утверждать. В скором будущем, товарищи, сольёмся все в одно и будем идти твёрдо...».

Этот штрих из богатейшей летописи нашего края выбран не спонтанно и не только потому, что он во всех отношениях любопытен сам по себе. Я хотел этой деталью подчеркнуть, что Ленина после Октября знали в Кузбассе не только как вождя, который живёт и трудится в столице, его знали в Кузбассе как хозяина, который неустанно, заинтересованно, пристрастно, если хотите, думает о будущем Сибири, – и не только о будущем, но и о настоящем. И венки Ленину везли, как сказал рабочий, «за его фундамент, который он нам положил»...

Обратимся к фактам.

После революции Копикуз в своём несколько «укороченном» виде продолжал существовать и активно саботировал все призывы советской власти дать как можно больше продукции, а главное – угля, без которого центр России буквально задыхался. Вставляли на путях паровозы, гасли мартеновские и доменные печи, останавливались машины, мёрзли города – чёрный хаос простирал свои крыла над истерзанной и голодной нашей Родиной. И смерть стояла за каждым порогом, не щадя ни старого, ни малого.

Предприниматели из Копикуза в это тяжкое время больше всего были озабочены тем, чтобы никоим образом не допустить национализации своих шахт, своих контор. Они пускались во все тяжкие, доказывая, что возрождение бассейна возможно лишь на частной основе.

В документе, поданном в адрес ВСНХ, капиталисты утверждали, что «американские финансисты дали вполне серьёзные заверения в возможности реализовать на американском денежном рынке акционерный капитал до 500 миллионов рублей». То есть, как я понимаю, они хотели заложить дело под проценты – для того, чтобы взять живые деньги... Но американцы требовали твёрдой гарантии: большевистское правительство ни в коем случае, ни сегодня, ни завтра, не должно национализировать предприятия акционерного общества.

За что же мы, спрашивается, боролись?..

Ни на какие уступки, даже временные, советская власть не пошла.

28 июля 1918 года был издан декрет Совнаркома о всеобщей национализации крупной промышленности. Так разом, отныне и вовек, был положен предел частному предпринимательству в России. Документ был решительный, и он отвечал программе партии, взявшей в руки управление страной. Отмежевавшись от частного капитала, нужно было срочно, сверхсрочно, налаживать промышленность на новых, государственных началах, и в том была жестокая особенность момента.

Уже в конце марта и начале апреля 1918 года Ленин вплотную интересовался вопросами, связанными с урало-кузнецкой проблемой. В разговоре с Воеводиным (*последний тогда занимал должность председателя областного Совета народного хозяйства Западной Сибири*) Владимир Ильич стремился получить подробнейшую информацию о положении дел в Кузбассе. «Мне стало ясно, – писал позднее Воеводин, – что о Сибири, её политическом и хозяйственном положении, осведомлён он был прекрасно. Этому району страны он придавал огромное значение, особенно его энергетическим и топливным ресурсам. Он явно видел замечательные перспективы развития, широкого использования природных богатств ещё не разбуженного тогда края».

По личному указанию главы правительства молодой республики горно-металлургический отдел ВСНХ объявил конкурс на проект единой хозяйственной организации, смыкающей промышленный Урал с угольным Кузбассом. Предусматривалось перевести все заводы на коксовое топливо, а эта задача по тем временам была непростая и срочно требовала соответствующих технических разработок. За лучший проект назначалась премия 100 тысяч рублей и две премии по 25 тысяч. Условия конкурса

были преданы широкой гласности как в центральных, так и в провинциальных газетах.

Урало-Кузнецкая проблема обсуждалась на I-ом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, который состоялся в конце мая – начале июня 1918 года.

Докладчики говорили о том, что с потерей промышленно-развитого Юга России (*Юг, как известно, был оккупирован немецкими войсками*) страна несёт огромный ущерб. Но положение вовсе не безнадёжное, поскольку у Советов есть Восток. Тогда-то в очередной раз и зародилась мысль в будущем опираться на Урал и Кузбасс, чтобы оградить государство в перспективе от всяких роковых случайностей.

Речь вроде бы шла о вещах очевидных, но упрямству и глупости нет предела. У здравого смысла нашлись ярые противники. Так, левый коммунист Осинский заявил на съезде, что большевистская партия и её вожди строят воздушные замки, и что восстановление производительных сил новой России лежит ни много ни мало лишь через мировую революцию, которую нужно приближать и подталкивать с помощью войны. Осинский требовал, что называется, не сходя с места, вступить в решительную схватку с ведущими капиталистическими державами и стоять до последнего человека. Всё остальное, мол, вредная утопия.

Злые пустобрёхи были опасны всегда, поскольку они не только говорили, но и действовали согласно своим извращённым представлениям о действительности.

Когда читаешь документы той поры, обнародованные от имени правительства, создаётся твёрдое убеждение в том, что уральские и сибирские заботы были заботами поистине первостатейной важности. Надежды выжить и выстоять советская власть напрямую связывала с восточными промышленными регионами страны, где было железо, где был уголь, где был, наконец, хлеб.

15 декабря 1918 года Ленин послал в адрес Реввоенсовета 5-й армии телеграмму такого содержания:

«Позаботьтесь всячески о взятии в целостности Кузнецкого района и угля». (*Ленинский сборник, т. 34. – М., 1959. С. 85.*)

К концу 1919 года Красная Армия при мощной поддержке восставших горняков и крестьян вымела Колчака из Сибири. Но уберечь народное добро от полного уничтожения, увы, не удалось: убытки и разрушения оценивались во многие и многие миллионы рублей.

«Когда они отступали, – писал тогда М.И. Калинин, – они, как вандалы, уничтожали всё, что было ценного. Если они не могли унести машины, они их ломали, заводские трубы взрывали, вагоны поджигали»...

Итак, на повестке дня Сибирь. На повестке дня Урал. Затопить доменные и мартеновские печи, добыть уголь! Добыть уголь во что бы то ни стало, восстановить шахты, послать под землю людей...

С этой целью срочно было образовано Сиббюро ЦК РКП (б), которому были даны чрезвычайные полномочия. В августе 1919 года был создан Сибревком.

Отвлечёмся немного от канвы этого повествования для того, чтобы сказать несколько слов о делах на Кольчугинском руднике Кузбасса тех дней.

В речи, произнесенной 3 сентября 1919 года, Ленин с большим, видимо, облегчением подчеркнул следующее:

«...Красной Армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь».

Крови было пролито немало. Почитай, в каждой деревне или большом селе у нас стоят и теперь немудрящие памятники погибшим в боях партизанам, партийцам и просто пролетариям, сложившим свою голову ради будущего, ради нас с вами.

Особенно трагично и с переменным успехом сложилась борьба за власть на Кольчугинских каменноугольных копях. Драма эта заслуживает особой страницы, я же позволю себе процитировать первый документ, обнаруженный Кольчугинским Советом после своего заседания 20 декабря 1919 года:

«Комитет в настоящее время приступил к спешным вопросам по организации продовольствия рудника, обеспечения его необходимыми материалами для работ, а также другим вопросам настоящего момента. Труд необходим и обязателен для всех трудящихся, труд для самих нас, но не для капиталистов. Что мы ответим товарищам, которые нас защищают от эксплуататоров вашего труда? Станьте на работу как один!»...

Итак, на повестке дня работа. На повестке дня восстановление копей. Только работа могла спасти Россию от голода, холода и хаоса.

Ну, а через год-два пошли в центр приятные известия из далёкого, но такого нужного теперь Кузбасса. Увеличивалась добыча угля, которую в те времена мерили пудами, прокладывались железнодорожные ветки к богатым месторождениям, восстанавливались шахты и штольни, налаживался помаленьку шахтёрский быт, выпрямлялись финансовые дела.

Ведущий сибирский бассейн, одним словом, начинал новую биографию.

Скоро добытый уголь начали мерить тоннами, сотнями тонн, а теперь и миллионами. Но и теперь Кузбасс не сказал ещё своего последнего и самого главного слова...

Геннадий Емельянов.

*(Источник: «Горячий стаж».
М.: Советский писатель, 1985 г.)*

«Уголь Кузбасса». Художник В. Лукин (1938 год)